

Художник экрана

Только что в издательстве «Художник РСФСР» вышла книга искусствоведа Р. Лаврова, посвященная лентфильмовцу — художнику кино М. Гаухман-Свердлову.

Прочел я ее с большим интересом, потому что среди людей, создающих кинофильм, личность художника играет огромную роль, хотя почти никогда не известна зрителям. Да и в критических статьях, в рецензиях о мастерах театрально-декорационного искусства говорят редко. А уж книг, посвященных людям этой профессии, совсем немного — их можно, что называется, по пальцам пересчитать.

Действительно, говорить о роли художника в кинематографе трудно. вель речь идет не только о звании живописи, графики, теории искусств. Необходимо разбираться еще в том, что порой определяет сам стиль его творчества — производственный процесс.

Р. Лавров с безусловным пониманием задачи, профессионально, хотя и кратко, анализирует работы М. Гаухман-Свердлова — от юношеских, созданных более двух десятилетий назад, до зрелых.

Как художник М. Гаухман-Свердлов был открыт ярким, психологически точным, пре-

красно чувствующим время режиссером В. Соколовым, который пригласил его на фильм «Друзья и годы» по А. Чехову. Затем их творческое сотрудничество продолжилось в работе над еще одной лентой по А. Чехову — «Моя жизнь», делать которую они начинали вместе.

Подробно и обстоятельно говорится в книге о фильмах, сыгравших, несомненно, важную роль в судьбе их автора и, более того, в судьбах нашего кино — напомним, что именно М. Гаухман-Свердлов работал с одним из наиболее интересных современных режиссеров Г. Панфиловым на всех трех его картинах, снятых на «Ленфильме», — «В огне брода нет», «Начало», «Прощу слова». Пронести через себя фильм собственное художественное решение, опирающееся на своеобразие взгляда и видения такого одаренного человека, как Г. Панфилов, было нелегко. И тем не менее это получилось.

Мне всегда казалось, что судьба художника в кинематографе складывается почти трагически: ведь все, что он открыл, увидел, нашел, — все это отдается другим людям: режиссеру, оператору, актерам. И те, сохранив лишь какую-то

долю художественного видения живописца, уже создают свое, иное решение. Трудно определить степень «подсказки» художника режиссерам, с которыми он работал. Но сейчас, когда смотришь репродукции к его книге, когда вспоминаешь кадры из созданных им фильмов, то обнаруживаешь и в «Начальнике Чукотки», и в «Принце и нищем», и в ленте «Моя жизнь» черты, присутствующие именно творчестве М. Гаухман-Свердлова. Это прежде всего внутренняя тревога, трагизм, как справедливо замечает Р. Лавров.

Конечно, далеко не все, сделанное М. Гаухман-Свердловым, может рассматриваться как оригинальные произведения станковой живописи, но то, что многие из его работ имеют самостоятельное значение, что они своеобразны и отмечены остротой собственного видения, — это бесспорно.

У монографии, к сожалению, есть и недостатки — не всегда специфика работы в кинематографе подана ее автором с достаточной четкостью, не всегда точно определена и роль художника в сложном постановочном коллективе.

И тем не менее издательство выпустило хорошую книгу. Дм. МОЛДАВСКИЙ